

На следующий вечер Эллиот в выходном костюме сел на лошадь. Провожавшей его Бетси он велел не ждать, так как вернётся поздно.

Теперь дорога в Торнхилл была знакома. Даже не поворачивая поводья, лошадь сама бодро шла по терновой тропе. Хотя со стороны казалось, будто он спокойно прогуливается, на самом деле голова Эллиота кипела от унижения.

"Опозорить? Мерзко и грязно?"

Всё равно он тоже мужчина. Гомосексуализм – это то, на что даже падший ангел, низвергнутый из-под крыла Божьего, укажет пальцем с насмешкой в глазах. Этим занимались либо наркоманы, либо те, кто отказался от человеческих основ. Хотя, возможно, тот тип и отказался быть человеком.

"Попробуй только. Этот ничтожный".

Он пощупал маленький клинок, хорошо спрятанный во внутреннем кармане пиджака. В тот момент, когда Артур Рентон попытается совершить безобразие, он собирался разорвать его грязную промежность в клочья.

"Не сможет же он сказать, что потерял член и яички, набросившись на мужчину, даже если рот разорвётся. Даже если он подаст жалобу, это будет самооборона, максимум арест или штраф".

Дрожа от отвращения, Эллиот укрепился в решимости.

Как и ожидалось, привратник открыл ворота, словно ждал. Когда он прибыл к входу и слез с лошади, знакомый кучер принял поводья. Дверь открыл слуга Гилфорд.

— Хозяин в комнате на втором этаже.

Он снял шляпу и перчатки. Но ничего не дал в руку, которую наконец протянул Гилфорд. Эллиот, засунув хлыст под мышку, широкими шагами поднялся по лестнице. Высокие сапоги для верховой езды до колена блестели в слабом освещении.

Эллиот не мог знать, какая из множества комнат на втором этаже была комнатой того типа. Поскольку Гилфорд, похоже, не собирался его провожать и не последовал за ним, Эллиот, достигнув вершины лестницы, поочерёдно бросил взгляд в обе стороны.

Дверь кабинета и комнаты напротив была слегка приоткрыта.

Топ-топ-топ.

Он прошёл по коридору без ковра в ту сторону. Когда концом хлыста толкнул открытую дверь, открылась пустая комната. Большая кровать с балдахинном из тонкой ткани и скромный набор столика. Это была комната с небольшим комодом и несколькими сундуками. На полу лежал толстый ковёр, а на окнах висели массивные шторы, но следов тепла не было.

Посреди этой комнаты был тот тип. Он сидел, прислонившись ягодицами к подоконнику, и смотрел на Эллиота.

— Так долго не было вестей, что думал, ты сбежал. Как раз собирался послать кого-нибудь на вокзал.

— Ты думаешь, я такой, как ты?

— Интересно, до какого предела продлится высокомерная и надменная манера нашего господина Эллиота Дейла.

При этом Артур Рентон развёл руками и пальцами, приглашая войти в комнату. Хотя он не хотел, чтобы кто-то другой слышал их разговор, Эллиот послушно вошёл.

Положив шляпу и перчатки на столик, разделявший его и Артура Рентона, Эллиот опустил рядом и хлыст. Но не забыл слегка вытащить рукоятку, чтобы можно было быстро схватить её.

— Раздевайтесь.

— Что?

— У вас такое предпочтение - делать это в одежде? Мне всё равно. Но останутся следы.

— Мерзко.

— Можешь крепко держаться за воротничок, как невинный ребёнок. Так лучше вспомнятся старые времена.

Он был потрясён тем, как тот небрежно выдавал ужасные вещи. Эллиот снял пиджак и сложил его так, чтобы можно было сразу засунуть руку во внутренний карман, положив на столик.

— Снимите и сапоги. И ложитесь на кровать.

— Что... с какой стати.

Эллиот не смог скрыть замешательства от слишком внезапного требования. Артур Рентон, сидя ягодицами на подоконнике, подло усмехнулся.

— Почему? Нужна милая прелюдия между нами? Я беру только то, что хочу.

При этом он кивнул в сторону кровати. Тонкая ткань, закрывавшая кровать, была вся отдёрнута. Рядом с кроватью стоял маленький вспомогательный столик, на котором стояла коричневая бутылка.

— У меня не такой ледяной нрав, как у тебя. Я приготовил подарок, чтобы облегчить боль. Это опиумная настойка. Если капнуть несколько капель под язык, это поможет.

Он морщился от этой собачьей болтовни.

— Лекарства - для жалких и слабых.

Слабый и жалкий тип, не зная или зная, что его оскорбляют, безразлично пожал плечами.

— Зелёная бутылка рядом с опиумной настойкой - специальное масло. Обладает дезинфицирующим действием. Весьма высокого качества в этой области.

Он не понял, зачем вдруг разговор о травяном масле. Когда он нахмурился, не понимая, о чём речь, тот тип хихикнул.

— Волшебное средство, уменьшающее боль и приносящее наслаждение. Только не пей, а мажь

прямо на заднее отверстие.

— Разве тебе не противен грязный язык, который держишь во рту? Почему бы не отрезать его заодно?

— Осторожнее, Эллиот Дейл. Здесь лучше проявлять ко мне уважение. Потому что я знаю, на каком курорте, на чьей вилле отдыхает твоя сестра.

Из глаз посыпались искры.

— Грязный ублюдок. Если тронешь её, будешь проклят небесами!

— Так что сотрудничай, чтобы этого не произошло. Я хочу получить плату с тебя, а не с бедной Лилибет.

— Грязная свинья, анальный извращенец.

— Ругаясь, ты только ухудшишь своё положение.

В мгновение Эллиот выхватил нож из внутреннего кармана пиджака. Но Артур Рентон был быстрее.

Бах!

Огромный шум от взрыва пороха ударил по барабанным перепонкам.

— А-ах!

Эллиот выронил кинжал и схватился за руку. От пистолета, который держал Артур Рентон, исходил едкий запах пороха. Пуля задела кожу между большим и указательным пальцами Эллиота.

— Я проявил последнюю доброту. Следующая пуля точно снесёт один твой палец. Потом ещё один на другой руке, потом ещё один. Даже если попытаешься сбежать, это бесполезно. Тогда я выстрелю тебе в ноги.

— Сумасшедший!

Сжимая окровавленную руку, Эллиот хотел обрушить на того типа проклятия. Но тот, холодный как лёд, невозмутимо продолжал жёстким тоном:

— Я признанный меткий стрелок. Если сомневаешься в мастерстве, можешь продолжать провоцировать.

Несмотря на выстрел, ни один из слуг, работавших в Торнхилле, не вбежал в комнату. Этот факт вызвал ещё больше мурашек. Сколько людей умерло в этой комнате?

Медленно оторвавшись от подоконника, Артур Рентон поднял нож, который уронил Эллиот.

— С такой детской игрушкой ты мне ничего не сделаешь.

Нож, брошенный Артуром Рентоном, пролетел в опасной близости от волос Эллиота и впился в дверь комнаты. Невольно повернув голову, Эллиот, увидев нож, вонзившийся прямо по рукоятку, мелко задрожал.

— Барчук. Сама мысль победить меня, валявшегося в колонии, кишасшей преступниками, поедая насекомых, безумна. Теперь у меня не осталось к тебе жалости. Если не хочешь бессмысленно умереть здесь, быстро снимай сапоги и брюки и ложись на кровать.

— Лучше убей.

— Можно и так. Выпустить две пули в твой живот и изнасиловать, пока твои кишки не вывалятся, тоже будет приятно.

— Ты сумасшедший. Ты... ты сумасшедший. Артур Рентон.

— АР! ТУР! ГЛАСС! ТОН!

Тот тип заорал. Эллиот вздрогнул, подавленный напором. Горящие глаза сверкнули, словно собираясь пронзить сердце Эллиота.

— Если ещё раз назовёшь меня Рентоном, плевать на плату, я убью тебя прямо сейчас. И отрежу твой язык, засуну в твою задницу, а потом доставлю милой Лилибет.

— ...Успокойся.

От ужасных слов сосуды сжались. Артур Рентон действительно был готов это совершить.

— Назови меня снова. Эллиот Дейл.

— ...Артур...

Фамилия Гласстон никак не выходила. Назвать его так означало бы признать, что этот мерзкий тип стал новым человеком. Но он по-прежнему был грязным и подлым типом, которому подходило имя "Артур Рентон".

Когда он так и не произнёс фамилию, Артур Рентон саркастически рассмеялся.

— Хорошо. Просто зови Артур. Только Артур. Буду доволен этим.

При этом Артур взмахнул пистолетом в воздухе, подавая сигнал.

Вскоре Эллиот снял сапоги для верховой езды. А затем, сняв плотно облегающие брюки для верховой езды, направился к кровати.

— Снимите и жилет. И нижнее бельё.

Дрожащим дыханием, с трудом выдыхая от унижительного приказа, Эллиот сделал, как велено. Шёлковый жилет упал на пол. Маленькие брюки-трусы из тонкого хлопка легли вверх.

Кроме длинной рубашки, на Эллиоте ничего не было. Когда он залез на массивную кровать, Артур Рентон, нет, Артур удовлетворённо изогнул губы.

— Обопрись на изголовье кровати, раздвинь ноги. Чтобы я хорошо видел процесс.

Дуло пистолета, от которого всё ещё пахло порохом, было направлено на Эллиота. Не подчиниться было невозможно. Он медленно забрался на высокую кровать - та доходила ему до бёдер. Она оказалась мягче, чем казалось. Было четыре подушки, набитые гусиным пухом. Он сложил их стопкой, прислонил к изголовью и откинулся спиной.

— Фух.

Раздвинуть вытянутые ноги требовало определённой решимости. Он осторожно увеличивал угол, чтобы подол рубашки, свисавший до середины бёдер, не задрался. Если бы тот не шантажировал, упоминая Лилибет, он бы предпочёл умереть от этого пистолета. Эллиот стиснул зубы.

— Поставь колени.

Последовало холодное требование типа, не терпящего дешёвых уловок. Дрожа от унижения, он медленно подтянул ноги и поставил колени. Сухой воздух коснулся глубокой расщелины, которую, кроме матери и няни, купавших его в раннем детстве, никто не видел.

"Хх-х".

Он очень тихо вдохнул и выдохнул. Не находилось никакого способа успокоить бешено бьющееся сердце и взрывающуюся голову. Руками он крепко сжал одеяло из того же материала, что и подушки.

Топ-топ-топ.

Артур, стоявший напротив изголовья кровати, точнее, в том направлении, куда Эллиот раздвинул ноги, приблизился. Он подтащил стул от близкого столика, поставил его спинкой к кровати и сел верхом. Положив одну руку на край спинки, доходившей до середины его груди, он сложил на ней другую руку с изящным пистолетом. На сухих губах появилась свирепая улыбка.

— Из-за рубашки плохо видно.

— Почему бы не снять и рубашку? Нравится голое тело? Если нравится плоская мужская грудь, то так будет лучше.

Он съязвил визгливым голосом, смешанным с дыханием. Артур не поддался на мелкую провокацию. Вместо того чтобы парировать, он указал пистолетом на бутылку на боковом вспомогательном столике.

— Опиумная настойка. Точно три капли под язык.

— Не буду принимать лекарства!

— Правда? Если хочешь испытать это в полном сознании, я не стану отговаривать.

Последовал жёсткий ответ. Эллиот надеялся, что тот быстро двинется и что-то сделает. Если эта ужасная ситуация, когда он раздвинул ноги перед тем типом, продолжится, нервы сгорят дотла, и он сойдёт с ума или задохнётся.

— Видимо, боишься это сделать? Всё только смотришь.

— Кто?

На этот раз Артур, подперев подбородок сложенными руками, тихо засмеялся. Рука с пистолетом уже опустилась к его длинному бедру, торчавшему сбоку от стула. Но по-прежнему была нацелена на Эллиота.

— Я теперь не ем необработанную пищу. Так много ел, валяясь в грязи, что теперь тошнит.

— Что?

— Трогай себя сам, пока твоё твёрдое и грубое отверстие не станет влажным и мягким, как у женщины.

От шокирующего требования рот открылся. Он хотел стиснуть зубы и обрушить на того типа ругань, но тот был далеко, а дуло близко.

— Используй травяное масло. Для этого я его и приготовил.

— Да плевать!

— Если не воспользуешься, каждый раз, садясь на унитаз, будешь видеть ад? Лучше поверь мне. Я много видел таких красавчиков, как ты, которых прижимали грубые типы в местах, где не было женщин, и они ходили со свернувшейся кровью между ног.

— Кровь...

— Неужели ты хочешь, чтобы слуги узнали, что здесь произошло? Когда на брюках пятна красной крови, придётся вызывать врача. Или тебе самому придётся стирать. Это тоже странное занятие, не так ли?

Это было мерзко, но логично. Колебания были недолгими. Он повернулся в пояснице и потянулся. Но до вспомогательного столика не дотянулся. Пришлось изменить позу и взять ту самую зелёную бутылку, о которой тот говорил. Всё это время взгляд того типа был направлен на ягодицы Эллиота.

Благодаря напряжённым мышцам интимное место было видно не так откровенно. Но всё равно это вызывало мурашки. Когда он быстро вернулся в исходную позу, кровать качнулась. При этом подол рубашки задрался. Показался кончик члена.

— Чёрт.

Неосознанно он опустил руку, прикрывая промежность. Ёрзал в неловкой позе, пока не устроился как следует. Пот градом лился, пока он боролся с зелёной бутылкой и подолом рубашки, осознавая прилипший мужской взгляд.

— Фух.

Наконец-то устроившись как следует, Эллиот снова вздохнул. Тот тип, наблюдавший с заинтересованным взглядом, отдал очень конкретный приказ: "Смочи указательный и средний пальцы этим и засунь в дырку".

На мгновение его затошнило. Голова горела, а рот высох так, что, казалось, трескался. Сердце то сжималось, то расширялось, было сумбурно, и хотя по позвоночнику шёл холод, наоборот, в ягодицах от напряжения скопилась влага.

— Фух.

Он открыл крышку бутылки и смочил маслом пальцы. Резкий травяной запах смешался с ароматом роз, создавая довольно странный аромат. Ощущая липкую текстуру масла, он поднял взгляд и ещё раз посмотрел на того типа. Тот не двигался, словно забыв даже моргать.

— Быстрее.

Статуя заговорила. Эллиот попытался поднести этот палец к промежности, но понял, что придётся приподнять свой член, и снова обвёл руку вокруг ягодиц снаружи. Но так было трудно дотянуться до отверстия.

Он едва мог коснуться входа, но это была часть, о которой он не думал, кроме как после дефекации при использовании биде, поэтому даже собственное прикосновение было настолько чуждым, что всё тело покрылось мурашками.

Несколько раз замешкавшись, он размазал масло вокруг. Палец поглаживал незнакомые складки, но вход не открывался легко. Это было естественно. Это место всю жизнь было выделительным органом. Оно никогда не функционировало как половой орган.

— Не можешь нормально? Или притворяешься, что не можешь? Если не хочешь пальцами, помочь? Ствол пистолета как раз такого же размера, как твой палец.

— За... ткнись.

Как он каждый раз может говорить всё более мерзкие вещи? До какого предела пала его душа и насколько она низка? Предупреждение, что если не будет делать как надо, он засунет пистолет в анус, похоже, не было простым предупреждением, поэтому Эллиот, обливаясь потом, старался изо всех сил.

— Чёрт.

Палец каждый раз соскальзывал на масле, а вход был крепко сомкнут, отвергая проникновение. Даже когда он пытался надавить, эластичное сопротивление затрудняло это.

— Специально?

— Если это выглядит так легко, попробуй сам.

Он зарычал со свирепым взглядом. Хотя его вид был жалок для угрозы, по крайней мере раздражение и нетерпение, должно быть, передались.

Ублюдок, подчёркивавший своё великодушие, на этот раз проявил совершенно неблагодарную доброту, не выставляя пистолет. Вместо этого он презрительно фыркнул и съязвил:

— Это из-за напряжения.

— Так что, должен быть расслабленным в ситуации, когда сумасшедший с пистолетом хочет пробить задницу?

Он констатировал лишь объективный факт. Артур на мгновение замолчал, а затем очень слегка кивнул.

— Ну, это справедливое замечание.

— Ты понимаешь, насколько ты сумасшедший?

— Это ты довёл до этого, Эллиот Дейл. Если бы с самого начала вёл себя как зрелый джентльмен, до этого не дошло бы.

— Это из-за твоей наглой рожи.

— Тебе действительно нужно как следует проучиться, чтобы опомниться?

Артур снова поднял пистолет на спинку стула. Он снова потребовал от Эллиота с плотно сжатым ртом:

— Капни три капли опиумной настойки под язык.

Сначала он отказывался, но теперь даже Эллиот почувствовал необходимость в опиуме. Выполнять требования Артура в здравом уме было трудно.

<http://bllate.org/book/15148/1570486>